

Е. В. Богомаз

РАЗВИТИЕ ИДЕИ СВОБОДЫ РАСПОРЯЖЕНИЯ ПРАВАМИ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ БЕЛАРУСИ С УЧЕТОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Введение. Целью настоящей статьи является установление зависимости между развитием идеи свободы распоряжения правами в гражданском судопроизводстве Беларуси и социокультурной спецификой белорусского общества.

Выявление такой зависимости необходимо и имеет большое значение для учета особенностей социокультурного развития общества при совершенствовании гражданского процессуального законодательства для более эффективного достижения целей правосудия. Между тем рассматриваемая проблема является новой, не исследованной ранее в отечественной литературе.

При подготовке статьи использованы работы по истории государства и права Беларуси, о пределах свободы сторон в гражданском процессе, посвященные рассмотрению основных культурологических традиций и их влияния на развитие гражданского процессуального законодательства, таких авторов, как А. Ф. Вишневский [1; 2], Т. И. Довнар [3], И. А. Юхо [2; 4; 5], В. Я. Грель [6], Р. Бэрн, Д. Бирн, Б. Джонсон [7], М. К. Треушников, Д. Я. Малешин [8], и применены такие методы познания, как исторический, теоретический, сравнительный, системного анализа и синтеза.

Основная часть. В процессуальной теории в последнее время возникли новые подходы к исследованию феномена гражданского процессуального права. Так, М. К. Треушников и Д. Я. Малешин предложили учитывать при анализе гражданского процессуального законодательства того или иного государства социокультурные особенности соответствующего общества [8, с. 55]. На наш взгляд, этот подход особенно значим при изучении сущности принципа диспозитивности, в котором эти особенности проявляются очень ярко.

Ученые отмечают, что наибольшее распространение в мире получили две культурологические традиции, основанные, соответственно, на индивидуализме и коллективизме [7, с. 303; 8, с. 55]. Критерием раз-

граничения указанных моделей служит сформировавшаяся в обществе система ценностей, занимающая господствующее положение.

Индивидуалистическая модель утверждает приоритет интересов личности, ее прав и свобод над интересами государства и общества. Основной акцент делается на личные цели, подчеркивается ценность автономии, личного контроля и независимости. Коллективистская традиция предполагает верховенство общественных интересов и институтов, отдаст предпочтение групповым целям.

Данные ориентации действуют как на индивидуальном уровне, так и на уровне культуры в целом. Причем социальный индивидуализм или коллективизм проявляется в ситуациях, в которых эти ориентации являются характеристиками большинства членов общества.

По мнению психологов Р. Бэрона, Д. Бирна и Б. Джонсона, модель, построенная на индивидуализме, характерна для большинства западных государств (США, Канада и др.). К коллективистским обществам они относят большую часть азиатских и африканских государств (Китай, Индия, Япония и др.) [7, с. 303].

Преобладание в конкретном обществе одной из указанных культурологических моделей оказывает существенное влияние на формирование его правовой системы. Так, право, сформированное под влиянием индивидуалистической концепции, обеспечивает, в первую очередь, защиту интересов отдельного члена общества. В обществе и государстве, основанных на идее коллективизма, в право закладываются нормы, обеспечивающие, в первую очередь, интересы всего общества в целом, т. е. преобладающим в этом случае является публичное начало.

Истоки диспозитивности в гражданском процессуальном праве связаны с индивидуалистической моделью развития как общества в целом, так и его правовой культуры. Проявлением индивидуалистических тенденций являются, на наш взгляд, следующие идеи, закрепленные затем в качестве правоположений:

- суд не вправе по своей инициативе возбудить гражданское дело;
- суд не может рассматривать не заявленные истцом требования или изменять по своей инициативе заявленные;
- суд не должен, игнорируя законные процессуальные волеизъявления сторон, направленные на окончание рассмотрения дела, продолжать разбирательство по делу и постановлять решение по своему усмотрению.

Вместе с тем при анализе форм закрепления принципа диспозитивности в гражданском процессуальном законодательстве различных государств выявляется очевидное влияние и коллективистской традиции, которое находит свое выражение в установлении:

- права суда возбудить дело в отсутствие волеизъявления истца об этом, в том числе по инициативе представителей государства в лице прокурора и государственных органов;
- права суда выйти в предусмотренных законом случаях по своей инициативе за пределы требований сторон;
- контроля суда над реализацией сторонами распорядительных правомочий.

Рассмотрим, под влиянием какой культурологической модели в различные исторические периоды формировалась правовая система Беларуси, как развивался подход белорусского законодателя к идее свободы распоряжения правами в гражданском судопроизводстве.

В древности основным источником права Беларуси было обычное право, которое доминировало до середины XV в., а затем начало постепенно вытесняться писаным правом. Соответственно, преимущественно на основе обычного права в указанный период рассматривались и судебные дела.

Нормы процессуального права в источниках права древней Беларуси немногочисленны. Вместе с тем уже первые записи процессуального права, сделанные в международных договорах белорусских земель с Ригой и Ливонским орденом, свидетельствуют о наличии свободы распоряжения правами участниками судопроизводства.

Так, в Договорной грамоте 1265 г. князя Полоцкого Изяслава с Инфляндским магистром и городом Ригой содержится норма, предоставляющая участникам спора право по соглашению между собой установить подсудность данного спора: «А где кому годно, ту ты жеться» [2, с. 25].

В XVI в. проводится работа по кодификации и систематизации права Великого княжества Литовского, завершившаяся изданием Статутов 1529, 1566 и 1588 гг. Наибольшей разработанностью проблем судебно-процессуального права отличается Статут 1588 г. (далее – Статут) [9], который оставался основным источником права Беларуси на протяжении почти 250 лет, в том числе после присоединения ее территории к Российской империи. Действие Статута было отменено в Витебской и Могилевской губерниях в 1831 г., в Виленской, Гродненской и Менской – в 1840 г. [4, с. 247].

Судопроизводство согласно Статуту было единым как для гражданских, так и для уголовных дел. Начиналось оно только по заявлению заинтересованной стороны. Процесс носил исковой характер: «...калі хто б да каго меў якую справу аб крыўдах або аб якой-небудзь рэчы, тады павінен ад пісара земскага таго павета пазвы або мамрамы ўзяць пад пячаткай нашай, ад нас таму павету дадзенай, і з падпісам рукі пісарскай... А дзе б бок сам хацеў сабе пазвы напісаць, тады, ці прынясе гатовыя напісаныя, пісар, узяўшы ад яго даход свой грош, запячатаць іх і падпісаць будзе абавязаны, а рээстр урада, калі захоча бок істцовы, вольна яму будзе пад пячаткай сваёй або вознага пры пазвах адказчыку ўказаць. А бок пакліканы як на пазву, так і на рээстр абавязаны будзе адказваць...» (р. IV, ст. 18 Статута).

Стороны в суде были наделены достаточно широкими процессуальными правами, которые давали им возможность активно воздействовать на весь ход процесса: право вести процесс самостоятельно или через представителя, право заявлять различные ходатайства, представлять доказательства, обжаловать решения суда и т. д. Помимо общих процессуальных прав, сторонам предоставлялись также широкие распорядительные правомочия.

На любой стадии процесса истец имел право на изменение иска и отказ от иска: «...калі б бок істцовы сам хацеў і пры жыцці адказчыка пазву адмяніць і выправіць, то яму будзе дазволена» (р. IV, ст. 46 Статута).

Ответчику принадлежало право на защиту против иска, в том числе путем предъявления встречного иска, о чем косвенно указывается в р. IV, ст. 45 Статута: «...А калі б хто... асёлага ў якім павеце паклікаў, а адказчык бы прад'явіў яму сустрэчнае патрабаванне аб тым жа прадмеце або аб чым-небудзь яшчэ».

Ответчик также мог признать иск. Признание иска, сделанное в суде, было достаточным основанием для принятия судебного решения. Признав иск, ответчик лишался права на обжалование решения суда, в основу которого было положено признание: «...ад урадаў нашых апеляцыя нікому не павінна быць дазволена ў тых справах, ніжэй у гэтым артыкуле апісаных... Чацвёртае: калі б хто што сам добраахвотна ў судзе прызнаў» (р. IV, ст. 88 Статута).

В разделе IV Статут закреплял право сторон на заключение мирового соглашения: «...А ў той час, калі суд раздумвае, бакі, калі б хацелі згадзіцца аб тым на прымірэнне, тады яны ім забараняць гэта не павінны» (ст. 54).

Заклучение мирового соглашения влекло невозможность для сторон повторного обращения в суд с тождественным иском. Если сторона все же предъявляла иск повторно, условия мирового соглашения оставались в силе, а данная сторона была обязана уплатить денежный штраф: «...хто б з кім меў справу ў судзе і страціўшы што-небудзь па суду або саступіўшы праз замірэньне, а пасля суда або памірыўшыся..., а калі аб тым жа зноў яго ў суд паклікаў і на судзе таго ж зноў шукаў і дабіваўся, такі абавязаны заплаціць там жа адразу ў судзе боку сем коп грошаў, судзі дзве капы грошаў, а падсудку капу грошаў, а той суд або замірэньне ўсё ж павінна застацца ў сіле» (р. IV, ст. 25 Статута).

Роль суда в исковом судопроизводстве была сравнительно пассивной. Суд выносил решение на основе формальной оценки предъявленных сторонами доказательств, в зависимости от их количества и заранее предусмотренной в законе силы.

При разрешении спора суд не имел права выйти за пределы требований сторон: «А калі ўжо абодва бакі справу сваю перад судом выкладуць, а суд земскі або замкавы запатрабуе сам сабе аб гэтым роздум, тады павінны спачатку нагадаць бакам, каб усё, што ў судзе прад’явілі і паказалі або сказаць жадалі, учынілі... А на трэці дзень ужо суд канчатковае рашэнне абавязаны будзе вынесці паводле скаргі і прырэння бакоў, нічога не прыбаўляючы і не адкідаючы» (р. IV, ст. 54 Статута).

Однако, наряду с предоставлением сторонам в судопроизводстве широких распорядительных правомочий, Статут содержал также некоторые положения, призванные гарантировать как защиту личной свободы, так и общественных интересов от частного произвола, в чем прослеживается некоторое влияние коллективистской традиции.

Злоупотребление правами пресекалось путем применения соответствующих мер ответственности к нарушителю. В частности, за подачу необоснованной жалобы на решение суда сторона, проигравшая дело, уплачивала денежный штраф в пользу выигравшей стороны: «...А хто беспадстаўна і супраць права паскардзіцца, тады той таму, супраць каго скардзіўся, павінен шэсць коп грошаў заплаціць» (р. IV, ст. 89 Статута).

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что в XI – первой половине XIX в. в целом развитие процессуального права Беларуси, в том числе норм о диспозитивности, происходило под влиянием идей индивидуализма, что в значительной степени было обусловлено социокультурными особенностями государства.

Так, важную роль в Великом княжестве Литовском на протяжении всей его истории играли крупные феодалы, шляхта, соответственно, именно их правам и свободам отдавался приоритет. Об этом свидетельствуют как многочисленные княжеские привилегии и грамоты (1387, 1413, 1432, 1434, 1447, 1492, 1506 гг.), так и нормы Статутов 1529, 1566 и 1588 гг., закрепляющие права и привилегии шляхетского сословия [1, с. 42].

Кроме того, в XVI в. на территории Беларуси получили распространение гуманистические идеи эпохи Возрождения, подчеркивающие ценность человеческой личности, важность создания условий для ее свободного развития и самовыражения. На этой основе в обществе происходило формирование индивидуалистической системы ценностей, что и получило соответствующее закрепление в Статутах Великого княжества Литовского, признанных одними из крупнейших памятников европейской правовой мысли.

Индивидуалистические традиции на территории Беларуси преобладали и после ее присоединения к Российской империи. Обусловлено это было как исторически сложившейся социокультурной спецификой белорусского общества, так и тем, что с развитием капиталистических отношений с середины XIX в. в сторону признания и закрепления идеи свободы личности, ее естественных прав начинает интенсивно меняться общественное сознание, а вместе с ним и правовая мысль в самой России.

Трансформация системы ценностей российского общества положительно сказалась при подготовке основных законопроектов судебной реформы, в том числе Устава гражданского судопроизводства (далее – Устав), введенного в действие Указом императора Александра II Правительствующему Сенату от 20 ноября 1864 г. [10, с. 28; 11].

В основу гражданского судопроизводства согласно Уставу был положен принцип состязательности, содержание которого понималось процессуалистами XIX в. несколько шире по сравнению с современной трактовкой: состязательное начало рассматривалось как начало личной автономии сторон в гражданском процессе, вытекающее из существа гражданских прав, т. е. как логическое продолжение гражданско-правовой диспозитивности [6, с. 128].

Такой взгляд на содержание состязательности приводил к выводу об определяющем значении свободы сторон в отправлении правосудия и о негативном влиянии на ход процесса каких бы то ни было ее

ограничений, что в полной мере соответствовало индивидуалистической традиции в развитии общества.

Свобода распоряжения правами участниками гражданского судопроизводства получила закрепление в следующих нормах Устава.

Согласно ст. 4 Устава гражданские дела возбуждались судом только по инициативе заинтересованных в исходе дела лиц: «Судебные установления могут приступать къ производству гражданскихъ дель не иначе, какъ вслѣдствіе просьбы о томъ лицъ, до коихъ те дела касаются...». В мировом суде иск мог подаваться суду в письменной или устной форме. В окружном суде и судебной палате исковое заявление составлялось по строго установленной форме и оплачивалось пошлиной.

Дела рассматривались судами исключительно в пределах заявленных требований: «Судъ не имеетъ права ни постановлять решения о такихъ предметахъ, о коихъ не предъявлено требованія, ни присуждать более того, что требовалось тяжущимися, ни возбуждать вопроса о давности, если тяжущіеся на нее не ссылались» (ст. 706 Устава). По отношению к мировому суду данное начало установлено в ст. 131 Устава, применительно к апелляционному и кассационному производству – в ст. 773, 798, 799 Устава.

Каких-либо исключений из вышеуказанных правил Уставом не предусматривалось. Активность суда была минимальной, его роль заключалась лишь в рассмотрении заявленных сторонами требований и возражений.

Стороны в гражданском судопроизводстве наделялись широкой свободой распоряжения правами. Однако в ряде случаев свобода одной стороны ограничивалась с целью недопущения ограничения свободы другой стороны и для установления равноправия между сторонами в реализации принадлежащих им распорядительных правомочий. Так, истец имел право на изменение своих исковых требований, но данное право могло быть им реализовано в основном только в части их уменьшения: «Истецъ можетъ уменьшить свои требованія, заявленныя въ искомомъ прошеніи, но не въ правѣ увеличивать ихъ, изменять по существу или предъявлять новыя требованія, разве бы они истекали непосредственно изъ заявленныхъ въ искомомъ прошеніи» (ст. 332 Устава). В соответствии со ст. 334 Устава об изменении своих исковых требований истец должен был заявить суду в письменной форме.

Истцу принадлежало право на отказ от иска. Отказ от иска мог быть заявлен как в суде первой, так и второй инстанции. По общему правилу, прекращение производства по делу по просьбе истца не лишало его права на подачу в суд тождественного иска впоследствии. Однако «если споръ о какомъ либо гражданскомъ правѣ былъ однажды возбужденъ, принять судомъ къ производству и весь обрядъ предварительной письменной подготовки былъ исполненъ, то тогда уже истецъ не можетъ прекратить свой искъ на неопределенное время безъ согласія ответчика и последній можетъ требовать разсмотрѣнія и утверждѣнія его правъ силою судебного рѣшенія, которое прекратило бы возбужденный истцомъ споръ и темъ предотвратило возобновленіе онаго новымъ искомъ» (§ 3 Объяснений к ст. 4 Устава).

Ответчик имел право на защиту против иска. Средствами защиты являлись возражения против иска и предъявление встречного иска. Кроме того, ответчик мог иск признать.

Позиция ответчика в отношении предъявленных истцом требований должна была четко определяться в отзыве на исковое заявление: «Въ ответѣ должно быть выражено положительно: признаетъ ли ответчикъ или отвергаетъ требованія истца и те обстоятельства, на которыхъ сии требованія основаны» (ст. 314 Устава).

Право на предъявление ответчиком встречного иска было строго ограничено во времени: «Ответчикъ имеетъ право заявить встречный искъ не позже, какъ въ первой ответной бумагѣ, а если таковая не была подана, то въ первомъ засѣданіи по делу» (ст. 340 Устава). В случае предъявления встречного иска производство по делу откладывалось по инициативе одной из сторон или по усмотрению суда. При этом судья назначал срок от трех до семи дней, в течение которого ответчик обязывался представить письменное изложение своего иска (ст. 341, 342 Устава).

Нормы Устава закрепляли совместные распорядительные правомочия сторон – право на заключение мирового соглашения. Суд, в свою очередь, был обязан принимать необходимые меры для склонения сторон к примирению, если признавал это возможным.

Мировое соглашение могло быть заключено на любой стадии процесса (ст. 1357 Устава). Условия мирового соглашения заносились в протокол, который имел силу судебного решения, вступившего в законную силу, и не подлежал обжалованию. «Дело, прекращенное мировою сделкою, почитается навсегда оконченнымъ, и какъ

тяжущиеся, учинившие мировую сделку, так и наследники их не могут возобновлять сего дела» (ст. 1366 Устава).

Несмотря на индивидуалистическую направленность, Устав содержал также и некоторые нормы о недопустимости злоупотребления сторонами своими процессуальными правами. Так, например, устанавливались денежные штрафы за неосновательный спор о подлоге (ст. 562 Устава), за неосновательные просьбы об отмене решений (ст. 190, 800 Устава). Целью закрепления данных положений в Уставе являлась как защита прав добросовестной стороны, так и интересов государства.

Таким образом, обновление системы гражданского процессуального законодательства России во второй половине XIX – начале XX в. в основном осуществлялось в рамках индивидуалистической модели, но с некоторым влиянием коллективистских воззрений.

В советский период развития Беларуси взгляды законодателя на социокультурную природу права кардинальным образом изменились. Вследствие господства в советском обществе коллективистской системы ценностей коллективистские традиции в гражданском процессуальном праве были существенно усилены и стали преобладающими.

С 1 сентября 1923 г. на территории БССР был введен в действие Гражданский процессуальный кодекс РСФСР (далее – ГПК 1923 г.) [12].

Согласно ст. 2 ГПК 1923 г. суд приступал к рассмотрению дела по заявлению заинтересованной в том стороны. Право на обращение в суд принадлежало также прокурору, если, по его мнению, этого требовала охрана интересов государства или трудящихся масс.

В соответствии со ст. 179 ГПК 1923 г. при вынесении решения по делу суд, в зависимости от выяснившихся при рассмотрении дела обстоятельств, имел право выйти за пределы заявленных истцом требований. Данное полномочие могло быть реализовано судом в случае, если размер исковых требований не был основан на ранее состоявшемся соглашении сторон или не был определен законным порядком (вексель, договор, тарифы и т. д.).

ГПК 1923 г. закреплял определенные распорядительные полномочия, принадлежащие истцу: право на изменение основания иска, увеличение или уменьшение своих исковых требований. Принятие отказа стороны от принадлежащих ей прав и судебной их защиты зависело от суда, причем принятие судом такого отказа лишало сторону права обратиться с иском, основанным на тех же основаниях (ст. 2 ГПК 1923 г.).

Положения, закрепляющие распорядительные правомочия ответчика, а также совместные распорядительные правомочия сторон, в ГПК 1923 г. отсутствовали.

Для достижения целей правосудия в ст. 6 ГПК 1923 г. устанавливалась обязанность сторон добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами. Любые злоупотребления и заявления, имеющие целью затянуть процесс, должны были немедленно пресекаться судом.

Анализ норм ГПК 1923 г. позволяет сделать вывод о наличии существенных ограничений действия принципа диспозитивности гражданского процессуального права в указанный период.

Суд играл активную роль в осуществлении правосудия, обладая правом на возбуждение дела в отсутствие волеизъявления истца об этом, на выход за пределы требований истца при вынесении решения, контролируя реализацию распорядительных правомочий истцом. Данные положения свидетельствуют о том, что в основу ГПК 1923 г. были положены идеи коллективизма, отдающие приоритет защите интересов государства.

Гражданский процессуальный кодекс БССР 1964 г. (далее – ГПК 1964 г.) [13] также был построен в основном на коллективистских воззрениях, однако активность суда была уменьшена, положения принципа диспозитивности закреплены более последовательно.

В соответствии со ст. 5 ГПК 1964 г. суд приступал к рассмотрению дела не только по заявлению лица, обращающегося за защитой своего права или интереса, но и по заявлению прокурора, а также органов государственного управления, профсоюзов, государственных предприятий, учреждений, организаций, колхозов, иных кооперативных организаций, их объединений, других общественных организаций или отдельных граждан в случаях, когда законом им было предоставлено право обращаться в суд за защитой прав и интересов других лиц.

Согласно ст. 192 ГПК 1964 г. в зависимости от выяснившихся обстоятельств дела суд мог выйти за пределы заявленных истцом требований, если это было необходимо для защиты прав и охраняемых законом интересов государственных предприятий, учреждений, организаций, колхозов, иных кооперативных организаций, их объединений, других общественных организаций или граждан.

В отличие от ГПК 1923 г. ГПК 1964 г. более подробно закреплял распорядительные правомочия сторон: право истца на изменение основания или предмета иска, увеличение или уменьшение размера ис-

ковых требований, отказ от иска; право ответчика на признание иска, предъявление встречного иска; право сторон на заключение мирового соглашения.

Реализация сторонами распорядительных правомочий была поставлена под контроль суда: суд не принимал отказа истца от иска, признания иска ответчиком и не утверждал мирового соглашения сторон, если эти действия противоречили закону или нарушали чьи-либо права и охраняемые законом интересы (ст. 90 ГПК 1964 г.).

Таким образом, анализ источников права, действовавших на территории Беларуси, позволяет сделать вывод о том, что в соответствии с изменениями социокультурных традиций и ценностных ориентаций белорусского общества различался подход законодателя к идее свободы распоряжения правами в гражданском судопроизводстве, и в различные исторические периоды система гражданского процессуального законодательства Беларуси строилась с преобладанием в своей основе либо индивидуалистической, либо коллективистской культурологической модели.

Однако предоставление участникам судопроизводства неограниченной свободы распоряжения правами без учета интересов общества и государства, равно как и чрезмерное усиление публичного начала в гражданском процессе, не способствует эффективному достижению целей правосудия.

Особенно остро вопрос о необходимости эффективного сочетания публичных интересов и свободы распоряжения правами в гражданском судопроизводстве встал перед законодателем в начале 90-х гг. XX в. в связи с существенным изменением политических, экономических, социокультурных условий жизни общества, переосмыслением системы ценностей.

О сложности указанной проблемы свидетельствуют некоторые колебания в сторону индивидуалистических либо коллективистских воззрений как белорусского законодателя, так и законодателей иных государств постсоветского пространства.

В данном контексте интересно проследить изменение подхода законодателя к закреплению в ГПК Республики Беларусь права на обращение в суд прокурора.

Согласно ч. 1 ст. 81 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь 1999 г. (далее – ГПК) [14] в первоначальной редакции прокурор имел право обратиться в суд с заявлением о возбуждении гражданского дела, если это необходимо для защиты прав и ох-

раняемых законом интересов несовершеннолетнего, недееспособного, ограниченно дееспособного и иного гражданина, юридического лица негосударственной формы собственности, лишенных возможности самостоятельно защитить свои интересы, а также Республики Беларусь, ее административно-территориальных единиц и юридических лиц государственной формы собственности. Факт отсутствия возможности самостоятельно защищать свои интересы гражданами и юридическими лицами негосударственной формы собственности проверялся судом, который отказывал в возбуждении дела в связи с наличием к этому препятствий, если указанные субъекты такой возможности не были лишены. Таким образом, изначально в рассматриваемых нормах ГПК прослеживается влияние индивидуалистической традиции.

В 2002 г. указанная норма ГПК была изложена в новой редакции: прокурор вправе обратиться в суд с заявлением о возбуждении гражданского дела, если это необходимо для защиты прав и охраняемых законом интересов Республики Беларусь, ее административно-территориальных единиц, а также юридических лиц и граждан [15]. Факт отсутствия возможности самостоятельно защищать свои интересы проверялся прокурором при рассмотрении вопроса об обращении в суд в защиту прав и охраняемых законом интересов конкретного гражданина либо юридического лица негосударственной формы собственности согласно п. 6 ч. 2 ст. 22 Закона Республики Беларусь «О Прокуратуре Республики Беларусь» [16]. Однако в Законе Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь», принятом 8 мая 2007 г., подобные положения отсутствуют [17]. Это позволяет сделать вывод о том, что факт отсутствия возможности самостоятельно защищать свои интересы более прокурором не проверяется. Таким образом, в настоящее время белорусский законодатель в решении данного вопроса усилил публичное начало, вернувшись, по сути, к коллективистской основе (модели), подобным образом закрепленной в ст. 104 ГПК 1964 г.

Аналогичные тенденции прослеживаются и в подходах российского законодателя, в частности, к регулированию права истца на отказ от иска. Согласно ст. 34 Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1964 г. (далее – ГПК РСФСР 1964 г.) [18] суд контролировал реализацию истцом права на отказ от иска, не принимая его, если данное действие противоречило закону или нарушало права и охраняемые законом интересы других лиц.

В результате внесения изменений в ГПК РСФСР 1964 г. Федеральным Законом от 30 ноября 1995 г. [19] возможность непринятия судом отказа истца от иска была исключена, т. е. осуществление истцом данного распорядительного правомочия более судом не контролировалось, что в полной мере согласовывалось с идеями индивидуализма.

Однако практика применения указанных положений показала, что они не соответствуют уровню развития правовой культуры российского общества, и при закреплении права истца на отказ от иска в Гражданском процессуальном кодексе РФ 2002 г. [20] законодатель вернулся к положениям ГПК РСФСР 1964 г., вновь поставив отказ истца от иска под контроль суда.

Развитие хозяйственного процессуального законодательства Республики Беларусь в рассматриваемом контексте также происходит противоречиво. Так, Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь 1991 г. (далее – ХПК 1991 г.) [21] базировался преимущественно на коллективистских началах, которые, отметим, были выражены в нем сильнее, чем в действовавшем в тот же период ГПК 1964 г.

Согласно ХПК 1991 г. хозяйственный суд имел право возбуждать дело по своей инициативе при наличии данных о допущенных предприятиями и организациями нарушениях прав и законных интересов других предприятий и организаций (ч. 2 ст. 3, ч. 4 ст. 64), изменять по своей инициативе основание и предмет иска (ч. 7 ст. 22), а также выходить при принятии решения за пределы исковых требований, если это было необходимо для защиты прав и законных интересов предприятий и организаций (ст. 76).

Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь 1998 г. (далее – ХПК) [22] исключил право хозяйственного суда по своей инициативе возбуждать дела, изменять предмет и основание иска, выходить за пределы исковых требований.

О преобладании в ХПК индивидуалистического начала свидетельствует и закрепление права истца на подачу заявления о возвращении искового заявления (отзыв искового заявления), осуществление которого не находилось под контролем хозяйственного суда и не лишало истца права вновь подать в хозяйственный суд тождественный иск. Заявление о возвращении искового заявления, поступившее до вынесения хозяйственным судом определения о принятии искового заявления и возбуждении производства по делу, согласно п. 8 ч. 1

ст. 126 ХПК влекло возвращение искового заявления. Если заявление о возвращении иска поступало после возбуждения производства по делу, а ответчик не требовал разбирательства дела по существу, суд оставял исковое заявление без рассмотрения в соответствии с п. 12 ст. 96 ХПК. Аналогичные положения содержатся, соответственно, в абз. 7 ч. 1 ст. 163 и абз. 12 ст. 151 редакции ХПК 2004 г. [23].

В редакции ХПК 2004 г. по сравнению с его первоначальной редакцией прослеживается усиление действия принципа диспозитивности. Так, в ч. 2 ст. 23 редакции ХПК 2004 г. прямо закреплено положение о том, что дела в судопроизводстве в хозяйственном суде возбуждаются только по инициативе заинтересованных лиц и рассматриваются лишь в отношении заявленных требований, за исключением случаев, предусмотренных законодательными актами. Если ст. 42 ХПК допускала замену ненадлежащей стороны, то в ст. 61 редакции ХПК 2004 г. предусматривается возможность замены лишь ненадлежащего ответчика. В редакции ХПК 2004 г. также более подробно регламентируются отношения, связанные с заключением сторонами мирового соглашения.

Вместе с тем в ряде норм редакции ХПК 2004 г. по сравнению с первоначальной редакцией ХПК прослеживается большее влияние коллективистского начала. Так, согласно ст. 13 ХПК в первоначальной редакции лица, участвующие в деле, имели право свободно распоряжаться принадлежащими им правами, не нарушая при этом права и охраняемые законом интересы других лиц. В части 1 ст. 23 редакции ХПК 2004 г. закреплено положение о том, что реализация распорядительных правомочий участвующими в деле лицами не должна нарушать также интересы государства.

Часть 1 ст. 63, ч. 1 ст. 122 редакции ХПК 2004 г., в отличие от первоначальной редакции ХПК, предписывают заключение сторонами мирового соглашения, а также осуществление истцом таких распорядительных правомочий, как изменение основания или предмета иска, увеличение или уменьшение исковых требований, в письменной форме.

Если согласно ст. 134 ХПК в первоначальной редакции представление отзыва на исковое заявление являлось правом ответчика и хозяйственный суд мог обязать ответчика представить отзыв только в необходимых случаях, то ч. 1 ст. 166 редакции ХПК 2004 г. указывает на обязанность ответчика представлять хозяйственному суду отзыв на исковое заявление по всем категориям дел.

Заклучение. Вышеизложенное, на наш взгляд, свидетельствует о том, что в нормах гражданского процессуального и хозяйственного процессуального законодательства Беларуси находят выражение черты обеих рассмотренных культурологических моделей – индивидуализма и коллективизма. Их сочетание в соответствующие исторические периоды различно в зависимости от доминирования в обществе индивидуалистической или коллективистской системы ценностей.

В ГПК и ХПК на современном этапе предпринята попытка установления своеобразного баланса между предоставлением юридически заинтересованным в исходе дела лицам свободы распоряжения принадлежащими им правами и закреплением определенных ограничительных действия принципа диспозитивности.

По нашему мнению, в дальнейшем при внесении изменений в содержание норм ГПК и ХПК, формирующих принцип диспозитивности, необходимо учитывать не только потребности сегодняшнего дня, но более глубокие причины и условия, соответствующие социокультурные основания, иначе новая модель не будет эффективно работать, не будет адекватна потребностям времени, правовой культуре, правосознанию. Изучение свидетельствует, что отступление от этого правила приводит к необходимости последующей корректировки.

Список использованных источников

1. *Вішнеўскі, А. Ф.* Гісторыя дзяржавы і права Беларусі: вучэб. дапаможнік / А. Ф. Вішнеўскі. – Мінск: Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь, 2003. – 319 с.
2. *Вішнеўскі, А. Ф.* Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах (Са старажытных часоў да нашых дзён): вучэб. дапаможнік / А. Ф. Вішнеўскі, Я. А. Юхо; пад агульнай рэд. А. Ф. Вішнеўскага. – 2-е выд., дап. – Мінск: Акадэмія МУС Рэспублікі Беларусь, 2003. – 320 с.
3. *Доўнар, Т. І.* Помнікі права Беларусі феадальнага перыяду / Т. І. Доўнар. – Мінск: ИСЗ, 2001. – 312 с.
4. *Юхо, Я. А.* Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі: вучэб. дапаможнік / Я. А. Юхо. – Мінск: Універсітэцкае, 1992. – 270 с.
5. *Юхо, І. А.* Крыніцы беларуска-літоўскага права / І. А. Юхо. – Мінск: Беларусь, 1991. – 238 с.
6. *Грель, В. Я.* Пределы свободы сторон в гражданском процессе: история вопроса / В. Я. Грель // Журнал российского права. – 2004. – № 6. – С. 125–131.
7. *Бэрн, Р.* Социальная психология: ключевые идеи / Р. Бэрн, Д. Бирн, Б. Джонсон. – 4-е изд. – СПб.: Питер, 2003. – 512 с.: ил.
8. *Треушников, М. К.* Новый Гражданский процессуальный кодекс России 2002 г.: некоторые социокультурные особенности / М. К. Треушников,

Д. Я. Малешин // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. – 2004. – № 4. – С. 54–60.

9. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 / пер. на бел. мову А. С. Шагун. – Мінск: Беларусь, 2005. – 207 с.: іл.

10. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1988–1991. – Т. 8: Судебная реформа. – 1991. – 496 с.

11. Уставъ гражданского судопроизводства съ объясненіями по решеніямъ гражданского кассационнаго департамента правительствующаго сената / составилъ А. Боровиковскій. – Изд. 2-е, перераб. – СПб.: Типографія А. С. Суворина, 1889. – 1198 с.

12. О введении в действие Гражданского Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.: постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, 10 июля 1923 г. [Электронный ресурс]. – 2007. – Режим доступа: <http://www.library.ru/help/guest.php?PageNum=1393&hv=1397&lv=1388#13924>. – Дата доступа: 25.04.2007.

13. Об утверждении Гражданского процессуального кодекса БССР: Закон БССР, 11 июня 1964 г. // СЗ БССР. – 1964. – № 17. – Ст. 184.

14. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 11 янв. 1999 г., № 238-З // Консультант Плюс: Беларусь. Версия 3000.03.13 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2007.

15. О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 30 дек. 2002 г., № 171-З // Консультант Плюс: Беларусь. Версия 3000.03.13 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2007.

16. О Прокуратуре Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 29 янв. 1993 г., № 2139-ХП // Консультант Плюс: Беларусь. Версия 3000.03.13 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2007.

17. О прокуратуре Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 08 мая 2007 г., № 220-З // Консультант Плюс: Беларусь. Версия 3000.03.13 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2007.

18. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР, 11 июн. 1964 г. // КонсультантПлюс: Версия Проф. Версия 3000.03.13 [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс». – Минск, 2007.

19. О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс РСФСР: Федеральный закон РФ, 30 нояб. 1995 г., № 189-ФЗ // КонсультантПлюс: Версия Проф. Версия 3000.03.12 [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс». – Минск, 2007.

20. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный Закон РФ, 14 нояб. 2002 г., № 138-ФЗ // КонсультантПлюс: Версия Проф. Версия 3000.03.12 [Электронный ресурс] / ЗАО «Консультант Плюс». – Минск, 2007.

21. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 5 июня 1991 г., № 838-ХП // Консультант Плюс: Беларусь. Версия

3000.03.13 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2007.

22. Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь: Кодекс Респ. Беларусь, 15 дек. 1998 г., № 219-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Версия 3000.03.13 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2007.

23. О внесении изменений и дополнений в Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь: Закон Респ. Беларусь, 6 авг. 2004 г., № 314-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Версия 3000.03.13 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2007.